

Лера Манович

РБИБА ПЛБИВЕТ

Город был похож на шикарное кладбище.

Приятель Глеба привез их сюда. На автозаправке он залил полный бак, платил Глеб. В итоге вышло дороже, чем на такси. Когда они приехали, приятель пытался вернуть деньги, так как не израсходовал и четверти бака. Глеб не взял. Глеб часто бывал неуместно щедр, как и неуместно скуп. Так думала Анна, глядя на красную, с глубокими трещинами стену гостиницы.

Они долго бродили вдвоем по улицам, пустым и влажным от дождя. Приятель Глеба много говорил и несмешно шутил. Он был из тех унылых неудачников-эмигрантов, которые всю жизнь стараются казаться весельчаками. Потом они вернулись в отель, и приятель опять задержался, так как женщина-портье ни слова не понимала по-английски. На сайте указывалось, что постояльцы отеля могут бесплатно воспользоваться велосипедами. Велосипедов не было.

Наконец, приятель засобирался назад в Берлин, но тут Глеб предложил перекусить. Анна всегда бесила эта его вежливость, из-за которой они часто проводили время не вместе, а в компании людей, которые были им обоим неинтересны. Приятель согласился. Они снова вышли из отеля и прошли той же дорогой в центр городка, где располагалось единственное работающее кафе. Глеб взял себе пиво. Четвертое за утро.

Глеб не виделся с другом много лет. Тот за это время успел жениться на кореянке, стать отцом, развестись. Друг достал из портмоне фотографию. Невзрачная низкорослая женщина с выступающими зубами. Наверное, в Корее таких тысячи.

— Милая, — сказал Глеб, и друг расплылся в улыбке. — Как вы познакомились?

Приятель никак не мог вспомнить ничего занятного про их знакомство. Рассказал только, что их сына она родила из экономии в каком-то захолустье. Там стояли старинные родильные кресла. И эта маленькая женщина от боли погнула металлические ручки.

— Сильная женщина, — сказал Глеб.

— Очень,— кивнул приятель и засобирався, как будто только и ждал этого заключения и потому медлил с отъездом.

— Когда я уходил от нее, она пожелала гореть мне в аду,— сказал он, вешая сумку на плечо.

— Хороший знак,— сказал Глеб.— Здоровая жестокость не ушла из отношений. Это хороший знак.

* * *

Друг мучительно долго выезжал с тесной парковки отеля, потом медленно разогнался на неровной улице. Анна улыбалась и махала ему рукой. Когда машина скрылась за поворотом, Анна вспомнила, что забыла зонтик на заднем сидении.

Они поднялись в свой неудобный, аккуратный номер с окнами на крыше. Не снимая крутки, Глеб сделал круг по комнате, потом хлопнул себя по карману и спросил Анну, не надо ли ей что-нибудь купить в магазине. Анна грустно помотала головой. Она знала, зачем ему надо в магазин.

Глеб вернулся через полчаса, позвякивая пакетом.

— Я счастлив с тобой, девочка,— сказал он, откупоривая бутылку.

* * *

Они позавтракали на первом этаже маленького красного домика, который носил громкое название ОТЕЛЬ. По всей видимости, дела в отеле шли паршиво. Дама-портье, которая заселяла их вечером, по утрам была еще и официанткой и разносила посетителям дрянной кофе. Посетителей было немного — они и еще какая-то выцветшая супружеская пара в углу, которая поглядывала на них с подозрением. Глеб перебрал ночью и, как всегда после такого, имел с утра виноватое выражение лица. Он пытался спросить у дамы на английском, где находится автобусная остановка. Дама не понимала, морщила лоб и тоже виновато улыбалась. Потом она догадалась достать из кармана допотопный телефон с треснутым экраном и, вводя слова на экран, стала переводить с английского на немецкий. Это не добавило понимания, но они смеялись, довольные друг другом. У официантки были жилистые руки и темные зубы. Но Глеб смотрел на нее так, будто она была красоткой. Он на всех умел смотреть так. Анна

это сначала нравилось, потом стало источником бесконечных сцен ревности, а теперь просто раздражало, как и вся его фальшивая мягкость и вежливость, предназначенная только для чужих. Анна вспомнила ночь, его тяжесть и резкость, его тяжелое пьяное дыхание у самого уха и механические движения.

Город, неестественно пустой и нарядный, был похож на декорацию. Глеб и Анна встретили только старушку с велосипедом, груженным цветами. Старушка прошла мимо, как привидение, не замечая их.

Они двигались по указателям Brecht-Hause, то поднимаясь в гору, то спускаясь вниз. Пахло травой и цветами. Ворота некоторых домов были приоткрыты, будто предлагали войти. На деревьях, стоящих вдоль дороги висели бирки, похожие на театральные номерки.

— Тебе нравится Брехт?

— Я не помню, читала ли я его.

— На хрена мы идем в музей?

— Мы идем, чтобы куда-то идти. Не сидеть же в гостинице.

Музей Бертольда Брехта был закрыт. Они сделали несколько фотографий у ворот и пошли назад. Начинался дождь. Гигантские улитки ползали по стволам старых деревьев.

— Это улитки Брехта,— сказала Анна.

— Я люблю тебя,— сказал Глеб и взял ее за руку.

— Чем докажешь? — спросила Анна.

— Хочешь, я буду есть землю?

— Нет. Лучше съешь улитку.

— Ты правда этого хочешь?

— Да.

Глеб отлепил от коры жирную улитку и поднес к лицу. Улитка втянула блестящие рожки. Глеб затушил бычок и облизнул губы.

— Не надо,— сказала Анна.— Мне жаль улитку.

* * *

Глеб настоял, чтобы они разделись и легли в постель. Было видно, что он предельно измотан и единственное, на что сейчас он годится,— вышить еще. Анна сказала ему об этом, но он упрямо льнул к ней, и она сдалась. Они словно пытались плыть на лодке без весел в стоячей воде. Анна прикрыла глаза и увидела снег, какие-то деревянные постройки типа русских

изб и человека с черной бородой. Наконец, Глеб остановился. Они долго лежали и смотрели друг на друга.

— Я видел Непал,— сказал Глеб.— Маленькие, счастливые люди с красными точками на лбу качали на качелях невест. И было светло и чисто.

— Так бывает только вначале,— сказала Анна.

— Глупышка. Так бывает, когда угодно, если любовь.

Он проснулся ночью и заплакал. Она гладила его большую, лысеющую голову. Он уснул на ее руках. Утром она подошла к зеркалу и увидела, что на ее лице проступают черты старухи.

* * *

Потом пошел дождь. Холодный утомительный дождь, который не прекращался до следующего дня. Они сидели в номере. Лежали в номере. Ходили по номеру. Глеб вяло приставал к ней, она вяло ему отказывала.

— Помнишь, давно, когда все начиналось, мы летели на маленьком самолете из Атланты в Аризону,— спросила она, глядя как бегут капли по стеклу.

— Глупышка, и сейчас все только начинается.

— Там была стюардесса. Не юная красотка с точеной фигурой, как на больших лайнерах. Грузная женщина с признаками бывлой красоты. Когда она везла тележку по проходу, ее бедра еле протискивались между кресел.

— Я так рад, что у тебя маленькая задница. Терпеть не могу большие жопы.

— Ей уже ничего не светило, этой стюардессе, кроме как протискиваться между потертыми сиденьями хлипкого самолетика, набитого мексиканскими работягами. И стареть. И лучший расклад для нее — это если самолет однажды не долетит. Упадет где-нибудь среди кактусов Аризоны.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Иногда я чувствую себя стюардессой в таком маленьком самолетике.

— А кто тогда я? Мексиканский работяга? Я слишком крупный для мексиканца, малыш.— Глеб добродушно захохотал.

— Ты — самолетик.

Глеб ушел и вернулся с двумя бутылками.

* * *

И опять наступила ночь. Анна уснула и слышала, как он взбирался на стул и пытался курить в окно мансарды, которое открывалось вверх. Дождь стучал по черепице, и им могло бы быть очень уютно сейчас. Но Анна не помнила, чтобы им было уютно. Глеб часто курил, взбираясь и спускаясь со стула, и наконец шумно упал, опрокинув стул, и долго ругался на каком-то языке. Анна лежала в постели, стиснув зубы, и ждала, когда закончится ночь.

* * *

Когда в следующий раз она включила ночник, чтоб сходить в туалет, — он лежал рядом и смотрел на нее. Анна знала этот мутный взгляд. Он не предвещал ничего хорошего.

— Мне нравится твоя красная комбинация, — сказал он. — Иди сюда.

— Мне кажется, ты обращаешься сейчас не ко мне.

Глеб хрипло засмеялся и огляделся.

— А к кому же?

— К любой женщине в красной комбинации.

— Не мудри, моя маленькая стюардесса. Иди сюда.

Анна молча легла на свою половину кровати и погасила свет. Глеб приблизился, шумно дыша. Погладил бедро. Потом с неловкостью крупного зверя взобрался на нее, шумно дыша в ухо.

— Скажи: «Я взрослая девочка».

Он часто просил так сказать. Ему никогда не нравились молодые девицы, которые вечно крутились вокруг него. Но в постели он просил говорить так. Она сжала губы. Ей было сорок лет. У нее были муж и сын, которых она не видела три месяца, и любимый мужчина, который клялся не пить и пил.

Глеб с каждым движением замедлялся. Пока не остановился совсем. Она повернула к нему лицо и поняла, что он уснул. Анна выползла из-под него с тем ужасом, с которым новичок на войне выползает из-под убитого товарища. Подошла к окну. Небо было серым и пустым.

Анна почему-то вспомнила стену дома во дворе, освещенную первым весенним солнцем. В апреле там грелись солдатики. Кривая трещина в рыхлой желтой штукатурке тянулась наискосок. Именно там, у этой стены начиналось лето. Она помнила этот свет у своих сандалий и свою густую маленькую тень на желтой стене. Трещины в асфальте, в которую трава выпускала свои первые зеленые усики. Эти тени, запах сырой после зимы штукатурки — это и была настоящая и вечная весна, которая уходила, чтобы снова вернуться, но никогда не навсегда. И не было в этой весне никаких мужчин, никакого шепота по ночам, сухости и влажности. Был только свет. И свет никуда не делся. Но Анна сама куда-то делась.

* * *

Солнце освещало красную стену гостиницы. На пустой улице лежали веселые тени. Они вышли и в четвертый раз пошли по той же улице. Глеб курил и прислушивался к чему-то в себе. Колокол на небольшой церкви прозвонил дважды.

- Давай зайдем, — сказала Анна.
- Иди. Я покурю.
- Ты всю ночь кашлял.
- Это последняя. Клянусь.

Анна взошла по высоким ступеням. Потянула на себя тяжелую дверь. В храме было пусто. Пахло старой пылью, повсюду лежали вязаные белые салфетки. Пустое распятие, украшенное цветами, возвышалось в конце длинной залы. Алтарь был похож на рецепции местных гостиниц с отсутствующим портье. Анна постояла в деревянной пустоте церкви и вышла. Крупный красивый мужчина стоял у ступеней и улыбался ей. Его высокая фигура отбрасывала длинную тень.

- Привет, Анна, — сказал Глеб. — *Я люблю тебя.*
- Здравствуй, — сказала Анна.

Они пошли дальше по брусчатке, и чемоданы катились за ними будто повозки, покидающие город.

— Выпьем кофе? — Анна показала на высокий круглый столик все в том же кафе, где они были с приятелем Глеба. Рядом вертелись массивные, покрытые влажным мхом жернова мельницы.

Глеб посмотрел на часы, кивнул, сел. Тот же высокий официант с дежурной улыбкой поднес меню.

— Одно пиво и один кофе. И что-нибудь поесть. Хочу есть.

— Что-то еще? — спросил официант, глядя на Анну.

Она помотала головой. Официант удалился. Глеб курил и смотрел на зеленые перекладки колеса, с которого стекала вода.

— Я отойду, — сказала Анна.

— Куда?

— Схожу в парк. Тут очень красивый парк, а мы даже толком не погуляли.

— Только недолго. — Глеб взглянул на часы. — Через полчаса придет такси.

— Я вернусь раньше.

— Клянись, что ты никогда не уйдешь от меня насовсем, — сказал Глеб, закуривая.

— Клянусь.

Анна дошла до площади с красной телефонной будкой. Небольшая компания сидела за крайним столиком. Эти лица Анна уже видела. Здесь же, позавчера. Они как будто и не уходили. Анна вошла в телефонную будку и опустила два евро. Набрала номер. Автомат загудел, с лязгом проглотил евро, и на том конце раздался тихий голос мужа:

— Алло! ...алло

— Это я, — сказала она.

— Ты где?

— Далеко. В Букове.

— Когда прилетаешь?

— Семнадцатого.

— Ты... возвращаешься? Тебя встречать?

— Да, — ответила она. — Встречай.

Счетчик секунд добежал до нуля и просил еще денег. Белая кошка перебежала площадь. Анна повесила трубку и пошла в парк. Рабочие сооружали сцену посреди поляны. Завтра здесь будет фермерский праздник. С розовыми поросятами и грудастыми немками, сдувающими пену с пива. А сейчас свет, разрезанный кронами деревьев, красиво лежал на траве. Узкая холодная река бежала под низким мостом. Анна взошла на мостик и посмотрела вниз. Трава на дне ручья клонилась, повторяя направление течения. Несколько форелей стояли в полоске света. На самом деле они плыли, но плыли

против течения, шевеля хвостом и плавниками, и от этого, дрожа, стояли на месте.

Рабочие прошли мимо, с любопытством поглядев на нее. Анна порылась в кармане, достала мелкую желтую монетку и кинула в воду. Так делают, чтобы вернуться. Но Анна знала, что не вернется сюда. Монетка задела серую спину форели и пошла ко дну. Рыба стояла на месте и шевелила плавниками. Но Анна знала, что рыба плывет.

